

ОЦЕНОЧНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *БЕЛЫЙ*

Т.В. Григорьева, А.Р. Григорьева

Ключевые слова: оценочность, символ, цветообозначения, семантика, белый, черный.

Keywords: evaluation, symbol, colour term, semantics, white, black.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-07

Когнитивная лингвистика, в русле которой проходит данное исследование, представляет язык как «вербальную сокровищницу нации, средство передачи мысли, которую он “упаковывает” в некую языковую структуру» [Маслова, 2004, с. 4]. Изучая, как человек познает окружающий мир и как хранит информацию о мире в сознании, научное сообщество приближается к пониманию когнитивных механизмов семантики слов как отпечатков национально-культурного опыта (см., например, работы Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой, Н.Н. Болдырева, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, Е.В. Рахилиной и др.). Объектом когнитивных исследований становятся и цветообозначения. Так, некоторые метафорические значения цветových слов рассмотрены в работах А.А. Брагиной (на материале русского языка, 1997), Е.В. Шевченко (на материале английского языка, 2007), М.А. Болотиной и Е.А. Шабашевой (на материале английского и русского языков, 2013) и др.

В семантической структуре цветоимен важное место занимает оценочная сема. В русском языке ее содержат такие цветочные прилагательные, как *белый*, *черный*, *красный*, *зеленый*, *желтый*, *синий*, *серый* (см. об этом: [Кезина, 2013; Хамидова, 2008]), при этом необходимо отметить, что в разные периоды оценочность цветочных прилагательных изменялась: к примеру, слово *багряный* в XVIII веке означало «красивый», в современном же языке эта сема утратилась [Кезина, 2013, с. 362]. Изучая базовые имена цвета, С.В. Кезина пришла к выводу, что они сначала появлялись именно как оценочные слова, и только впоследствии развивали цветочную семантику.

Среди базовых цветоимен наибольший интерес, на наш взгляд, представляет прилагательное *белый*. Оно же является одним из самых изученных. Исследователи отмечают, что первоначальное значение *белого* не было цветочным: слово означало «светящийся», «блестящий»,

сверкающий» (см. об этом: [Колесов, 1983]), характеризовалось семантическим синкретизмом – имело также значения «светлый», «прозрачный», «чистый», «бесцветный». Появление значения цвета в семантике лексемы датируют XIII веком [Колесов, 1983]. А. Вежбицкая указывает на исключительное богатство семантики слова *белый*, выделяя, кроме прочих, семы «связанный с хорошей видимостью» и «непрозрачный, непросвечивающий» [Вежбицкая, 1996, с. 252]. Ассоциативное поле *белого*, наиболее полно представленное в работе Р.В. Алимиевой, демонстрирует явное тяготение к ассоциациям положительного эмоционального плана и содержит следующие оценочные ассоциации прилагательного: 1) оценочно-физиологические (*светлый, холодный, свежий, яркий, ослепительный, прохладный, теплый, мягкий, тугой, непрозрачный*); 2) оценочно-психологические (*чистый, нежный, радостный, торжественный, прекрасный, красивый, искренний, праздничный, честный, спокойный, уравновешенный, добрый, веселый, благородный, счастливый*). В ходе ассоциативного эксперимента в семантической структуре слова *белый* исследователем выявлены как наиболее значимые ассоциативные признаки «светлый» и «чистый»: «В непосредственном единстве с главным, цветовым компонентом значения они как бы конструируют семантический облик слова *белый*, предопределяя тем самым общеязыковую семантическую эволюцию, а также обуславливая эмоционально-экспрессивный характер его новых, постоянно возникающих образных и переносных значений» [Алимбиева, 1976, с. 26]. Объектом исследовательского интереса становятся и переносные значения *белого*. Так, Т.Н. Дорожкина отмечает, что основой вторичных переносных значений цветоимени выступают не ядерные семы, а ассоциативные признаки [Дорожкина, 1999, с. 12]. Кроме того, в индивидуально-авторских контекстах слово может развивать разную коннотативную семантику, в том числе и негативную [Дорожкина, 1999, с. 12].

В настоящей статье мы рассмотрим оценочную семантику прилагательного *белый*, реализующуюся в метафорах и демонстрирующую его символический потенциал.

Ведущим методом нашего исследования, подчиняющим себе все остальные, является анализ сочетаемости лексемы *белый*. Он позволяет «увидеть» значимые свойства оппозиции и понять закономерности появления оценочных значений. Мы используем когнитивный подход к сочетаемости, представленный в работах А. Вежбицкой, Е.В. Рахилиной, Л.О. Чернейко и базирующийся на том, что сочетаемость имен не случайна и не свободна – она отражает

некоторые их существенные, глубинные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке; сочетаемостные характеристики не существуют сами по себе: они «мотивированы содержательными, то есть семантическими свойствами» [Рахилина, 2010, с. 12].

Цветовые имена при метафоризации становятся «вещными» сущностями – словами, обозначающими «единицы вещного мира и их свойства – в их несобственно вторичных знаковых функциях» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 213]. Изучение закономерностей вторичного знакового переосмысления таких явлений на конкретном языковом материале поможет понять действие универсального механизма, ставшего «когнитивным достижением здравого смысла в освоении непредметных сущностей» [Рябцева, 2000, с. 109]. Лексема *белый* выступает средством «опредмечивания» некоей абстрактной сущности, позволяет сделать ее зримой, видимой, приблизить к чувственному пониманию.

Главным способом проявления оценочного значения у цветоимен, в том числе и у прилагательного *белый*, является метафора, при которой происходит категориальный сдвиг значения: стандартные для данного предиката категории аргументов замещаются новыми для него, на первый взгляд «неподходящими». Все исследователи метафоры сходятся в том, что этот тип переноса не является произвольным: метафорический образ устойчив и проявляется не в отдельно взятом контексте, а во многих, потому что языковая метафора отражает более общие – культурные, а иногда и еще более общие – свойственные в целом человеческому сознанию (иначе говоря, когнитивные) параллели [Рахилина, 2010, с. 144].

Исследуя вещные коннотации абстрактных имен, ученые рассматривают их несвободную сочетаемость. Так, В.А. Успенский рассуждает о сочетаемости слова *авторитет*. Он, по его наблюдениям, бывает *большой* и *маленький*, *весомый* и *хрупкий*, *дутый* и т.д. Рассмотрев множество вариантов сочетаемости этого слова, автор заключает, что авторитет можно представить «в виде сплошного шара, в хорошем случае большого и тяжелого, в плохом – маленького и легкого» [Успенский, 1979, с. 148]. Изучая сочетаемостные возможности имени *судьба*, Л.О. Чернейко отмечает, что судьба мыслится человеком, к примеру, как личность (*гневить судьбу*), текст (*прочитать судьбу*), высшая сила (*предопределен судьбой*) и т.д. [Чернейко, 1997, с. 307]. Представим сказанное в виде формулы: если взять абстрактное имя за X, то его

сочетаемость будет выглядеть как XY, где Y – любая другая часть речи, которая обычно сочетается с конкретными именами. Исследователи, как правило, сосредоточивают свое внимание на X, то есть на абстрактной сущности. Нас же интересует Y, в частности, конкретное имя прилагательное, обозначающее цвет, и то, каким оно позволяет увидеть различные абстрактные сущности. Опираясь на тексты Национального корпуса русского языка, рассмотрим типичные сочетания лексемы *белый* с абстрактным именем существительным с целью выявления ее оценочной семантики.

По данным словаря русского языка XI-XVII веков, имя *белый* имеет оценочное значение «непорочный, безгрешный». Другие словари (Словарь обиходного РЯ Московской Руси XVI-XVII веков, Словарь РЯ XVIII века, БАС, Словарь РЯ под ред. А.П. Евгеньевой), однако, этого значения не отражают, находим его лишь в Большом академическом словаре под ред. К.С. Горбачевича: *устар. и trad.* «нравственно безупречный». Оценочное значение присутствует также в Толковом словаре русского языка начала XXI века: здесь приводится словосочетание *белая магия* с расшифровкой «связанная с естественными силами природы, направленная на избавление от зла, излечение».

Одним из абстрактных имен, которые вступают в отношения с *белым*, является лексема *зависть*. Зависть – одно из базовых чувств человека, стоящее в ряду таких, как радость, удивление, презрение и др. В толковом словаре С.А. Кузнецова слово *зависть* толкуется как «чувство досады, раздражения, вызванное удачей, успехом, благополучием другого, сопровождаемое желанием обладать тем, что есть у другого» [Кузнецов, 2014] и дается без каких-либо помет. Очевидно, однако, что зависть – чувство, оцениваемое полярно. Сравните примеры: *Эти отрицательные отзывы о способностях, моральных качествах олигархов — не более чем классовые зависть и ненависть* («Время МН», 2003); *Нет, какая-то здоровая зависть у меня порой прорезается. Другое дело, что она не разъедает изнутри, а подстегивает, двигает вперед* («Финансовая Россия», 2002)¹. В первом примере контекст свидетельствует об отрицательной оценке зависти; во втором *зависть* сочетается со словом *здоровая*, а контекст подтверждает, что такое чувство, как

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на источники: Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
Переводчик контекста с русского на английский. <http://context.reverso.net>.
Утаивание правды. Из книги Скотта Пека «Непроторенная тропа». <http://psynet.narod.ru/articles/nottrue.htm>.

зависть, может приносить и пользу, а значит, оценивается положительно.

Положительную оценку зависти позволяет выразить и лексема *белый*: *На Всероссийском фестивале айкидо я почувствовала белую зависть к участникам: в свои пятьдесят они находятся в лучшей форме, чем я в двадцать с хвостиком* («Русский репортер», 2012). В некоторых словарях это сочетание зафиксировано с расшифровкой «о чувстве радости, вызванном успехами другого человека» [Кузнецов, 2014], значит, мы можем говорить, что белая зависть – это хорошая зависть, такая, которая не наносит вреда. Идиома демонстрирует наличие оценочного компонента семантики прилагательного *белый*.

Как представляется, сочетание *белая зависть* возникло в противовес сочетанию *черная зависть*: по данным Национального корпуса русского языка, *белая зависть* впервые упоминается в тексте, датированном 1970-м годом, *черная* же – в тексте 1860 года. Словарь С.А. Кузнецова характеризует *черную зависть* как *глубокую* и *злобную* [Кузнецов, 2014], то есть на первый план в семантике прилагательного *черный* в данном случае также выходит оценка.

Можно предположить, что оценочная семантика слова *белый* развивается в тесной связи с семантикой слова *черный*. Вероятно, люди склонны сначала давать негативную оценку, поэтому сочетания со словом *черный* появляются в языке раньше. Затем человек как бы «обелает» то или иное явление, постигая его амбивалентность. Так, в противовес *зависти черной* появляется *зависть белая, черной магии – белая магия* и т.д. Такая последовательность, однако, характерна не для всех сочетаний. Ср.: *черная ненависть, черная злоба*, но **белая ненависть, *белая злоба* (за исключением индивидуально-авторских употреблений). По всей видимости, в представлении общества человек, который испытывает такие чувства, как злость и ненависть, может принести только вред, поэтому эти чувства оцениваются однозначно отрицательно.

Лексема *белый* реализует оценочное значение и в составе идиомы *белая магия*. Слово *магия* представлено в словаре С.А. Кузнецова в двух значениях: 1) по суеверным представлениям: совокупность приемов (действий и слов), имеющих чудодейственную силу, при помощи которой можно воздействовать на людей и явления природы; 2) *чего*. необыкновенная сила воздействия на кого-л.: *магия взгляда, магия музыки, магия таланта писателя, магия очаровательных глаз* [Кузнецов, 2014]. Толкование лишено каких-либо помет, но далее в статье приводятся идиомы *белая магия* и *черная магия*, различие между

которыми, согласно описанию, в том, что первая действует с помощью небесных сил, а вторая – с помощью адских. Контексты употребления данных идиом позволяют говорить о том, что люди положительно оценивают магию белую и отрицательно – черную: *Черная магия не сказка, она действительно существует. Конечно, это не какие-то оккультные заклинания и зелья, а не что иное, как сила злобной и нечистой души, подчиняющая более слабым. И ей противостоит белая магия добрых мыслей, чистых желаний, помощи и любви* (И. Ефремов, 1963). Здесь снова на первый план в семантике слов *белый* и *черный* выступает оценочное значение: белую магию в терминах оценочности можно назвать хорошей, черную же – плохой (ср. также *белое* и *черное колдовство*).

Репрезентацию оценочного значения прилагательного *белый* видим и на примере идиомы *белая ложь*. Данное сочетание не закреплено в словарях, тем не менее встречается в некоторых текстах, ср.: *Во многих случаях белую ложь принято считать общественно приемлемой, поскольку «мы не хотим ранить чувства людей»* (Утаивание правды, URL); *Милый, белая ложь во благо отношениям* (Переводчик..., URL). Белую ложь также называют ложью во спасение, во благо – очевидно, намерения, которые движут в данном случае человеком, оцениваются положительно. Другими словами, белая ложь не причиняет вреда, а напротив, приносит благо.

Представленный материал устойчивой сочетаемости позволяет увидеть реализацию оценочной оппозиции, в которой компонент *белый* означает «хороший, во благо», *черный* – «плохой, злонамеренный». Оба компонента взаимно притягивают друг друга: появление сочетаемости с одним из компонентов закономерно влечет за собой появление аналогичной сочетаемости со вторым компонентом. На наш взгляд, такой языковой материал демонстрирует, что человек видит мир полярным, склонен делить его на черное и белое, плохое и хорошее, тьму и свет и т.д. Ср. рассуждения Р.В. Алимпиевой об этом: «Можно полагать, что понятие белого цвета и чувственное отношение к нему складывалось прежде всего в оппозиции светлый (белый) – темный (черный). <...> В сопоставлении и противопоставлении тьмы и света не как двух контрастных световых ощущений, а как контрастных стихий видимого мира формировалась психологическая и эстетическая оценка светлого (белого). Если тьма (черный) – это ночь, то свет (белый) – это как бы сама сущность дня. Со светом люди, освобождаясь от ночных страхов и тревог, покидали свои пещеры, чувствуя себя свободней и независимей, получая возможность четко видеть окружающее» [Алимпиева, 1976, с. 23].

В устойчивых сочетаниях *белая полоса*, *черная полоса* прилагательные также реализуют оценочные значения «хороший», «плохой». Ср.: *Вам только остается прислушаться к ее зову, попытаться понять и почувствовать ее позы, которые будут выражаться в вашей благополучно складывающейся жизни, будет такое ощущение, что вам постоянно везет, и наступила длинная белая полоса* (А. Яшкин, 2003); *Дайте время пройти этой черной полосе; небо прояснится, и клеветники останутся тем, что они были, есть и будут: презренными лжецами...* (Н. Дурова, 1838). Отметим, однако, что в этих сочетаниях, в отличие от предыдущих, присутствует образность, они демонстрируют стремление человека к наглядности в языке, говорят об образном восприятии действительности.

Имя *белый* реализует оценочное значение не только в составе идиом. Представление «белый = хорошо», по всей видимости, прочно закрепилось в сознании говорящих, поскольку оценочная сема обнаруживается и в свободной сочетаемости. В этих случаях цветочное прилагательное соединяется с существительным, которое характеризует человеческую жизнедеятельность в целом и само по себе не содержит ни положительной, ни отрицательной оценки. Ср.: *Искать в своих впечатлениях позитивные моменты. Нет такой ситуации, которая была бы сплошь черной или сплошь белой* (С. Скарлош, 2014); *Но надо понимать и то, что всю жизнь делить историю на черную и белую не получится* (А. Бериашвили, 2013). Сочетания, в которых *белый* соединяется с абстрактным именем, позволяют говорить об этой цветолексеме как о символе. Наш материал подкрепляет существующую теорию о том, что соединение конкретного и абстрактного рождает символическое значение. Л.О. Чернейко, глубоко исследующая вопросы метафоры, образа, символа, отмечает, что «метафора, “прилагающая образ, сформированный относительно одного класса объектов”, к абстрактной сущности, создает символ» [Чернейко, 1997, с. 240]. Символическое значение выкристаллизовывается в языке: сначала оно реализуется только в несвободной сочетаемости, затем, устоявшись, «развивается и может употребляться в контекстах уже вне фразеологических сочетаний» [Григорьева, 2012, с. 1844]. *Белый*, таким образом, правомерно назвать оценочным символом – символом добра, блага.

Таким образом, проанализировав устойчивую сочетаемость имени *белый*, можно сделать вывод, что прилагательное последовательно реализует в современном языке оценочную сему «хороший, во благо», как в составе оппозиции *белый – черный* (*белая зависть – черная зависть*, *белая магия – черная магия*, *белое колдовство – черное*

колдовство), так и вне ее (*белая ложь*). Свободная сочетаемость имени подтверждает не просто наличие оценочной семы, но и ее большой вес в семантике лексемы.

Литература

- Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова белый // Вопросы семантики. Вып. 2. Л., 1976.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
- Вежицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Григорьева Т.В. Образное и символическое в семантике слова // Вестник БашГУ. Т. 17. № 4. Уфа, 2012.
- Дорожкина Т.Н. Члены языковой оппозиции «черный — белый»: лексическая и прагматическая семантика // Исследования по семантике. Уфа, 1999.
- Кезина С.В. Оценочность цветолексем и ее актуализация в славянских языках // Российский гуманитарный журнал, 2013. Т. 2. № 4.
- Колесов В.В. Белый // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3. Л., 1983.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2010.
- Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Словари

- Большой академический словарь русского языка. / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 1. М., СПб: «Наука», 2004.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2014.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. I. М., 1975.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 1. СПб., 2004.
- Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л., 1984.
- Словарь русского литературного языка. Т. 1. М.-Л., 1950.
- Словарь русского языка. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1985.
- Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Склиаревской. М., 2008.

Список источников

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Переводчик контекста с русского на английский. [Электронный ресурс]. URL: <http://context.reverso.net>.

Утаивание правды. Из книги Скотта Пека «Непроторенная тропа». [Электронный ресурс]. URL: <http://psynet.narod.ru/articles/nottrue.htm>.

КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ГАРМОНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ДИАЛОГА

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: публицистический дискурс, гармонизирующие и дисгармонизирующие тексты, композиционно-стилистические средства гармонизирующего общения.

Keywords: publicistic discourse, harmonizing and disharmonizing texts, compositional and stylistic means of harmonizing communication.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-08

Характеризуя категорию дискурса, исследователи все настойчивее говорят о его коммуникативной сущности – любая форма коммуникации (устная, письменная, социально-сетевая и пр.) «является основой реализации каких бы то ни было совместных инструментальных действий, невозможных при ее отсутствии...» [Чернейко, 2014, с. 52]. Коммуникативный аспект дискурса раскрывается через ряд категорий, актуальных и при исследовании публицистического дискурса: 1) статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики участников общения, 2) условия общения (пресуппозиции, коммуникативная среда), 3) мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств, 4) канал и режим, тональность, стиль и жанр общения.

Описывая ведущие черты публицистического дискурса, исследователи прежде всего акцентируют внимание на позиции автора, в основе которой лежит социально-оценочное отношение к «фактам, явлениям, событиям» [Солганик, 2002], и на таких